

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.21702/rpj.2022.1.1>

Исследование адаптационного потенциала в разных возрастных группах студентов в период пандемии

Татьяна И. Куликова¹✉, Светлана А. Филиппова²

^{1, 2} Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Российская Федерация

✉ tativkul@gmail.com

Аннотация

Введение. Авторами доказывается актуальность изучения адаптационного потенциала студентов в период пандемии, выявления его параметров, как основы психического здоровья и психологического благополучия. Описана структура, ключевые критерии адаптационного потенциала в их связи с жизнестойкостью. Новизна исследования заключается в изучении связи психологической гибкости, как предиката адаптивности, с другими проявлениями адаптационных механизмов; изучении динамики показателей адаптивности на разных этапах юности. **Методы.** Приняли участие студенты в возрасте от 18 до 24 лет ($Mean \pm SD = 20,7 \pm 1,8$) в количестве 67 человек. Диагностический материал: тест жизнестойкости С. Мадди; схемный опросник Янга «YSQ-S3R»; опросник «Способы совладающего поведения» (WSQ) Лазаруса; клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич). Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 27 (IBM). Методы математической статистики: коэффициент корреляции Пирсона; параметрический t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна – Уитни для независимых выборок. **Результаты и их обсуждение.** Корреляционный анализ выявил наличие сильных обратных корреляций жизнестойкости с дезадаптивными схемами («уязвимость» и «недоверие»), «покорность», «неуспешность», «жесткие стандарты», «зависимость/беспомощность» и «дефективность», невротическими состояниями, копинг-стратегиями. В результате были определены две противоположные адаптационные тенденции к условиям пандемии в разных возрастных группах. Шкалы РДС и копинг-стратегии имеют многочисленные положительные связи, за исключением стратегии «планирование решения», которая имеет отрицательные связи с некоторыми обнаруженными в выборке схемами. Авторы рассматривают РДС как проявление психологической ригидности, снижающее адаптивный потенциал; отсутствие выраженных дезадаптивных схем повышает адаптационный потенциал. В заключение делается вывод о наличии положительной возрастной динамики в развитии адаптивных возможностей личности: с возрастом повышаются показатели жизнестойкости, снижаются проявления РДС.

Ключевые слова

жизнестойкость, дезадаптивные схемы, стратегии совладания, адаптационный потенциал, психологическая гибкость, механизмы адаптации, студенты, возрастная динамика, пандемия COVID-19, корреляционный анализ

Основные положения

- структуру адаптационного потенциала формируют высокие показатели жизнестойкости, проявления психологической гибкости (когнитивной и поведенческой);
- адаптационный потенциал повышается с возрастом, механизмы адаптации в разных возрастах различны;
- показатели психологического благополучия повышаются с возрастом: снижается склонность к формированию невротических защитных реакций, психологическая гибкость повышается за счет формирования когнитивной и поведенческой гибкости;
- проведение профилактической и коррекционной работы, направленной на формирование гибких когнитивных установок, расширение репертуара поведенческого реагирования – способствуют развитию адаптационного потенциала личности.

Для цитирования

Куликова, Т. И., Филиппова, С. А. (2022). Исследование адаптационного потенциала в разных возрастных группах студентов в период пандемии. *Российский психологический журнал*, 19(1), 6–18. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.1.1>

Введение

Пандемия COVID-19 изменила многие сферы человеческой деятельности, принесла массовые психологические проблемы, а реакция населения на пандемию сыграла важную роль в возникновении и широком распространении адаптационных расстройств (Ениколопов, Бойко, Медведева, Воронцова, Казьмина, 2020). Исследователи как в России, так и за рубежом указывают на увеличение количества факторов беспокойства, изменения привычного поведения людей (Чертовикова, 2018; Quansah et al., 2022). Периоды самоизоляции в ситуации пандемии были связаны со значительно повышенным уровнем стресса, тревоги, депрессии – внутренних состояниях, непосредственно и неблагоприятно влияющих на общее самочувствие человека (Макарова, Цветкова, 2020; Almondés et al., 2021; Nash, 2021). Например, в исследовании эмоционального истощения у чилийских студентов в период пандемии было выявлено, что 15 % студентов имели серьезные проблемы с психическим здоровьем, умеренная депрессия увеличилась с 17,7 % до 20,7 %, тяжелая депрессия увеличилась на 5,2 %, тяжелая тревога увеличилась с 16,7 % до 26,4 %, а тяжелый стресс увеличился с 9,4 % до 15,9 % (Martinez-Libano, Yeomans, & Oyanedel, 2022). Эмоциональное истощение относится к ситуации, которая отрицательно отражается на жизнедеятельности человека и характеризуется значительным снижением психологического благополучия (Чертовикова, 2018; Эйдельман, 2016; Hendriksen et al., 2021; López-Valenciano, Suárez-Iglesias, Sanchez-Lastra, & Ayán, 2021).

В качестве детерминант психологического благополучия исследуются адаптационные возможности личности (Карпетян, Глотова, 2018), адекватное отношение к сложившейся ситуации даже в условиях пандемии (Малых, Ситникова, 2021). И в эволюционном, и в психологическом

смыслах показателем благополучия индивида является его способность адаптироваться к условиям окружающей среды (Александрова, 2004). Высокий адаптивный потенциал обусловлен широтой диапазона когнитивного, эмоционального и поведенческого реагирования. При наличии обширного репертуара реакций и способности к гибкому переключению между ними становится возможным максимальное удовлетворение условиям и требованиям текущей ситуации. Психологическая (когнитивная и поведенческая) гибкость способствует адаптации, а психологическая (когнитивная и поведенческая) ригидность снижает адаптивные возможности человека.

Когнитивная гибкость – способность человека быстро менять привычный способ мышления, отказываться от привычных, но неэффективных поведенческих паттернов и адаптировать поведение и стиль мыслей к окружающей среде. Когнитивная ригидность, напротив, понимается как неспособность человека изменить представления об окружающей среде в соответствии с ее реальными изменениями и, как следствие, использование неадекватных стереотипных форм поведения в конкретной ситуации (Яшин, 2015).

В проведенном ранее исследовании (Филиппова, Пазухина, Куликова, Степанова, 2019) мы обнаружили, что ригидность отрицательно коррелирует с показателями жизнестойкости, а отсутствие личностной гибкости положительно коррелирует с жизнестойкостью и склонностью к формированию невротических защитных реакций. Мы пришли к выводу, что ригидность личностных черт снижает адаптивный потенциал, тогда как невротические реакции можно рассматривать как транзиторный (и успешный) механизм адаптации к окружающей среде, повышающий жизнестойкость. В настоящем исследовании мы также опираемся на ключевые идеи когнитивно-поведенческого подхода о том, что условием успешной адаптации является гибкость восприятия, мышления и поведения; в то время как ригидность когнитивных и поведенческих схем сказывается на адаптивных механизмах и жизнестойкости.

В период студенческого возраста, который охватывает разные периоды юности, отмечается повышенная эмоциональная возбудимость (неуравновешенность, резкая смена настроения, тревожность и т. п.) (Донцов, Донцова, 2013; Beiter et al., 2015; Quansah et al., 2022). Возрастной кризис осложняется спецификой жизненной ситуации студента, требующей готовности и способности справляться с различными личными, академическими и социальными проблемами (Краснова-Гольева, Холмогорова, 2011; Valenti & Faraci, 2021).

Сравнительный анализ психологической дезадаптации у студентов системы среднего и высшего профессионального образования позволил констатировать, что выраженность симптомов эмоциональной дезадаптации у студентов вузов выше по сравнению с обучающимися колледжей. По мнению автора, важным аспектом психологической дезадаптации является социальная тревожность (Горчакова и др., 2013), в основе которой лежат «рост социальной ответственности, необходимость следовать социальным нормам, увеличение потребностей на фоне недостатка возможностей их удовлетворения, смена приоритетов в мотивационной сфере и т. д.» (Донцов, Донцова, 2013, с. 42). Это может оказать серьезное негативное влияние на процесс адаптации, а также на качество жизни студента (Александровский, 2012; Петрова, Назаренко, 2021).

Наиболее актуальными в данный период поведенческими способами преодолеть возникающие трудности, связанные как с внешними, так и с внутренними специфическими требованиями, являются стратегии преодоления, которые люди используют, чтобы справиться со стрессом, в том числе вызванным пандемией, а также личностные ресурсы, которые влияют

на механизм адаптационного процесса, формируя связи с симптомокомплексом жизнестойкости и невротическими реакциями.

Адаптационный потенциал представляет собой иерархическую структуру, формирование которой закладывается на ранних этапах эмбриогенеза. Свойства ЦНС создают канву для эмоционального и поведенческого реагирования на фрустрацию и стресс; высший уровень адаптационного процесса – личностный – формируется на основе взаимодействия индивида со средой. Под влиянием сходных условий у разных индивидов могут формироваться сходные убеждения и поведенческие паттерны, которые автор схемной терапии Дж. Янг назвал ранними дезадаптивными схемами (далее РДС) (Young, Klosko, & Weishaar, 2003).

В ряде работ современных отечественных исследователей показана связь РДС с психологическим благополучием (Богданов, Галимзянова, Касьяник, Романова, Заварзина, 2019; Тихомирова, Гришина, 2016), депрессивными расстройствами и аддикциями (Кадыров, Мироненко, 2017), расстройствами личности (Холмогорова, 2014), а также показана динамика выраженности РДС на разных этапах взрослости (Галимзянова, Касьяник, Романова, 2016).

Нам представляется весьма актуальным в сложившихся условиях пандемии рассмотреть структуру адаптационного потенциала студентов на разных этапах юности в контексте обусловленности когнитивной и поведенческой гибкостью/ригидностью.

Цель исследования: оценить адаптационный потенциал студентов в период пандемии COVID-19, охарактеризовать динамику и механизмы адаптации студентов в разных возрастных группах.

Методы

Исследование адаптационного потенциала студентов в условиях пандемии на разных этапах юности проводилось на выборке студентов ТГПУ им. Л. Н. Толстого в возрасте от 18 до 24 лет ($n = 67$). Средний возраст испытуемых составил $20,7 \pm 1,8$ лет, а медианный возраст – 21 год. Критерием деления испытуемых на две группы было медианное значение возраста: 1-я группа – возраст ≤ 21 год, и 2-я группа – возраст 22+. На основании разделения испытуемых на две возрастные группы был проведен анализ различий между ними по исследуемым показателям.

В качестве диагностического материала были применены тест жизнестойкости С. Мадди (Леонтьев, Рассказова, 2006); схемный опросник Янга «YSQ-S3R» в адаптации П. М. Касьяника и Е. В. Романовой; опросник «Способы совладающего поведения» (WSQ) Лазаруса (Крюкова, Куфтяк, 2007), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич). Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 27 (IBM). Использовались методы описательной статистики, данные представлены в виде среднего и стандартного отклонения ($Mean \pm SD$), квартилей распределения ($Me [Q1; Q3]$); также мы рассчитывали коэффициент асимметрии (As) и эксцесс (Ek) для оценки нормальности распределения. Для установления тесноты связи между исследуемыми параметрами применялся коэффициент корреляции Пирсона (r). В качестве метода сравнения количественных показателей использовали параметрический t -критерий Стьюдента и U -критерий Манна – Уитни для независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Проведен первичный описательный анализ всей выборки ($n = 67$) без разделения на группы с целью получения исчерпывающей информации о данных эмпирического исследования, распределении и однородности данных, наличии ошибок и выбросов и возможности использования методов параметрического анализа.

Анализ полученных данных по тесту жизнестойкости С. Мадди проведен двумя способами с использованием параметрического (t -критерий Стьюдента) и непараметрического теста (U -критерий Манна – Уитни). В результате установлено, что между двумя экспериментальными группами (≤ 21 и $22+$) наблюдаются различия в показателях структурных компонентов жизнестойкости (p -значение $< 0,001$). Средний балл по шкале «жизнестойкость» и в первой, и во второй группе находится в диапазоне среднего значения, медианы показателей также близки к среднему значению в обеих группах. Таким образом, адаптационный потенциал выборки в период пандемии в целом можно охарактеризовать как достаточно высокий.

Была обнаружена динамика показателей жизнестойкости на разных этапах юности (коэффициент Пирсона). Структурные компоненты жизнестойкости (вовлеченность и принятие риска) в разных возрастных группах имеют разный уровень выраженности: вовлеченность и возраст имеют положительную связь ($r = 0,428$; $p < 0,001$), принятие риска и возраст студентов – слабую положительную связь ($r = 0,271$; $p < 0,001$); также обнаружена внутренняя согласованность шкал «вовлеченность» и «принятие риска» ($r = 0,885$; $p < 0,001$).

Применив регрессионный анализ, мы получили модель зависимости жизнестойкости от возраста (без разделения на группы), характеризующуюся нелинейным изменением показателя жизнестойкости (рис. 1).

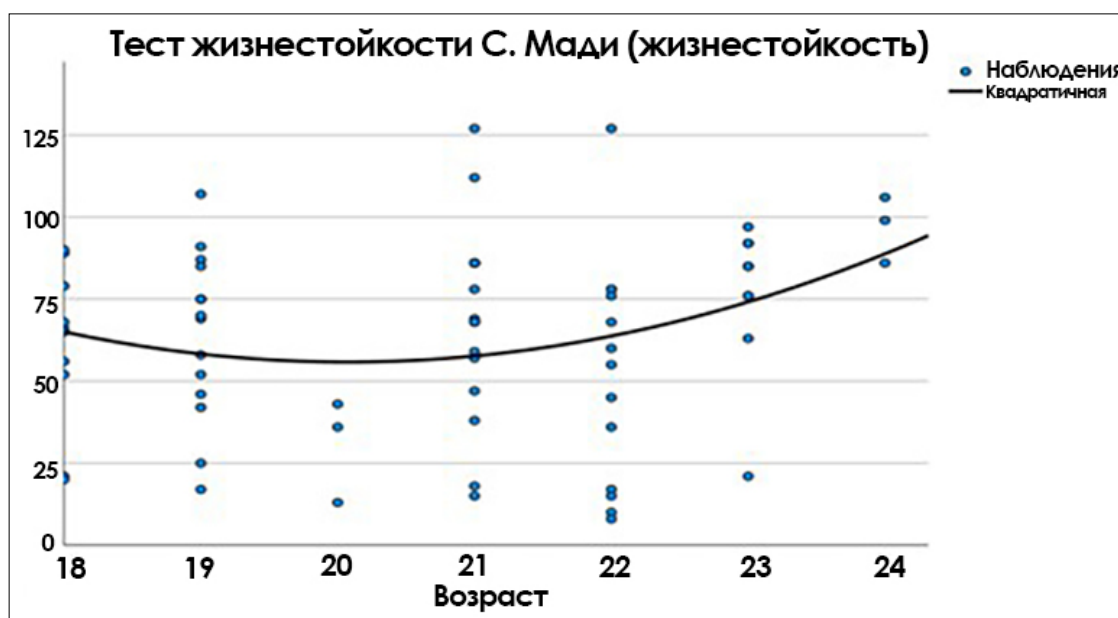

Рисунок 1. Регрессионная модель зависимости жизнестойкости от возраста (без разделения на группы)

Нами установлено, что период от 18 до 21 года протекает с некоторым снижением показателей жизнестойкости студентов, но в возрасте 22+ наблюдается подъем и в дальнейшем плавное повышение жизнестойкости.

Для определения доминирующих невротических состояний по клиническому опроснику К. К. Яхина, Д. М. Менделевича мы обратились к описательному анализу результатов всей выборки ($n = 67$) без разделения на группы (табл. 1).

Таблица 1

Описательный анализ значимых результатов выборки ($n = 67$) без разделения на группы по клиническому опроснику К. К. Яхина, Д. М. Менделевича

Название шкалы	Mean \pm SD	Me [Q1; Q3]	min; max
Тревога	1,32 \pm 4,25	1,52 [-1,33; 4,68]	-7,11; 8,62
Невротическая депрессия	-0,09 \pm 4,92	1,16 [-3,1; 3,41]	-12,86; 8,15
Астения	2,44 \pm 4,33	3,07 [-0,06; 5,45]	-9,07; 9,67
Конверсионные расстройства	0,89 \pm 4,49	2,15 [-2,92; 4,33]	-9,04; 7,03
Обсессивно-фобические нарушения	-0,28 \pm 3,96	-0,22[-2,29; 2,02]	-10,6; 6,28
Вегетативные нарушения	2,13 \pm 7,58	3,08 [-3,5; 8,52]	-16,33; 14,28

По значениям среднего и медианного показателей были определены две доминирующие шкалы «невротическая депрессия» и «обсессивно-фобические нарушения». Сравнивая распределение двух возрастных групп по выделенным шкалам (рис. 2, 3), наблюдаем, что основная часть группы студентов в возрасте 22+ сконцентрирована по обеим шкалам в границах «ящиков» от -2,52 до 4,75, тогда как основная часть возрастной группы студентов ≤ 21 располагается в границах от -11,25 до 6,72. Очевидно, что степень разброса данных в группе 22+ меньше, чем в группе ≤ 21 . Таким образом, к формированию невротических реакций склонна группа студентов ≤ 21 и в большей степени – в возрасте 19–20 лет.

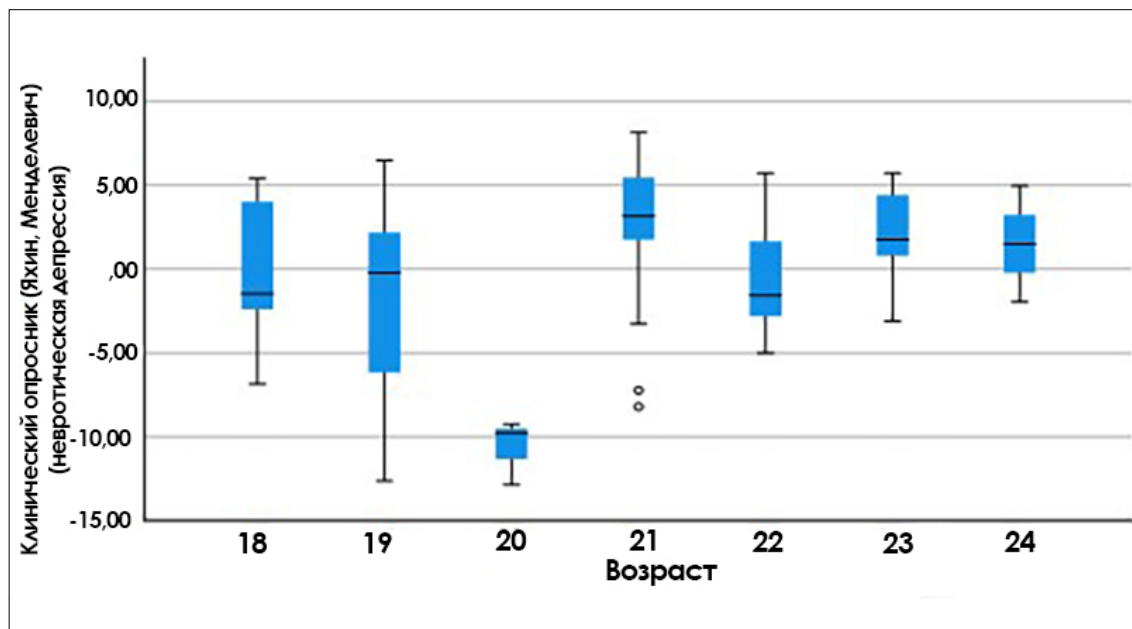

Рисунок 2. Выраженность показателей у студентов разных возрастных групп по шкалам «невротическая депрессия» и «обсессивно-фобические нарушения»

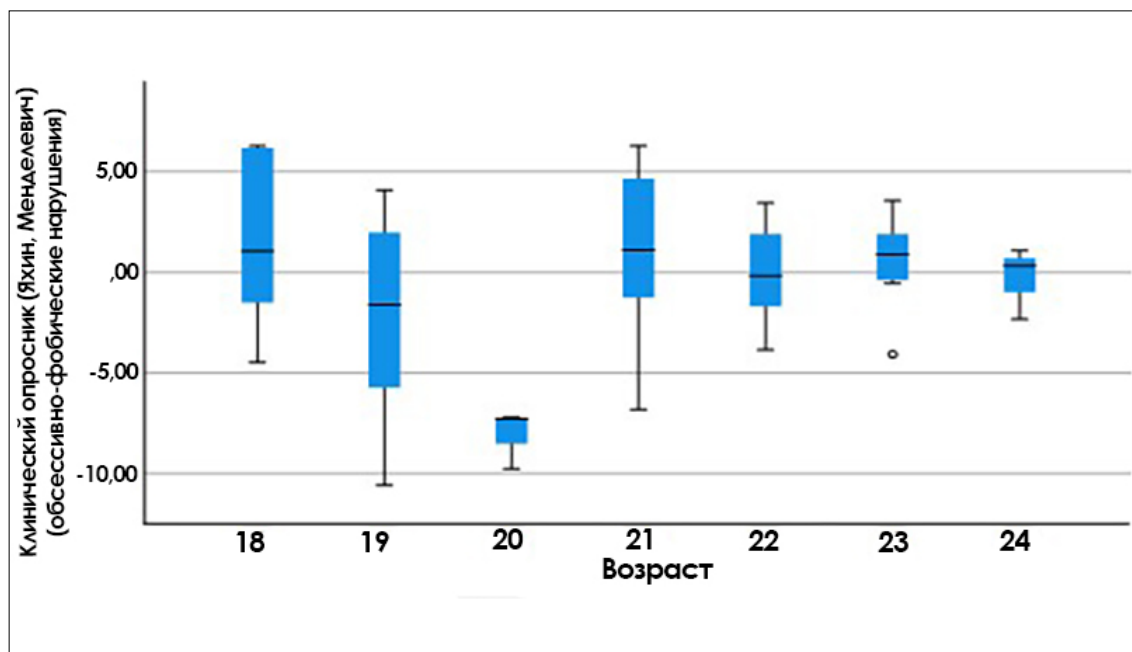

Рисунок 3. Выраженность показателей у студентов разных возрастных групп по шкале «обсессивно-фобические нарушения»

Несмотря на то, что склонность к развитию невротических реакций попадает под клинический диагноз «невроз», стоит принимать во внимание положительные корреляции этих реакций с параметрами жизнестойкости, и отрицательные – с РДС. Следовательно, мы можем рассматривать невротические реакции как транзиторный, нивелирующийся с возрастом, механизм адаптации к внешним условиям.

На основании выделенных Дж. Янгом укрупненных категорий (доменов) дезадаптивных схем (Young et al., 2003), мы выявили у респондентов четыре значимые – нарушение связи и отвержение (BTR), нарушенная автономия (IA), направленность на других (F/O) (нарушение потребности в самоуважении и принятии себя) и сверхбдительность и запреты (HI) (нарушение потребности в свободном выражении своих потребностей и эмоций).

Наиболее выраженными дезадаптивными категориями оказались «нарушение связи и отвержение» (BTR) и «сверхбдительность и запреты» (HI). В данных категориях обнаружено по ¹⁴ статистически значимых связей между отдельными схемами (с коэффициентами $r = 0,271 \div 0,709$, при $p < 0,01$ и $p < 0,05$). Обнаруженные связи говорят о внутренней согласованности теста, а также о тотальности дезадаптивной ментальности: дезадаптивные установки в одной сфере (доменах) существуют не изолированно от других.

На основе результатов сводного отчета по наблюдениям ($n = 67$) был построен график возрастной динамики выраженности дезадаптивных схем у студентов (рис. 4).

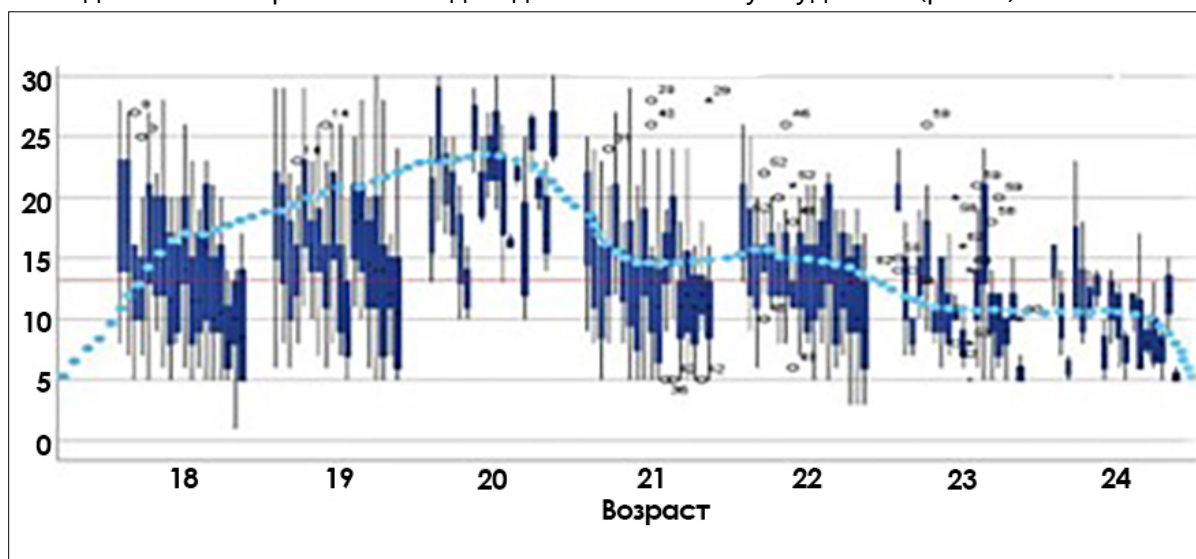

Рисунок 4. График возрастной динамики выраженности дезадаптивных схем у студентов

Было установлено, что наибольшая выраженность дезадаптивных схем приходится на возраст 19–20 лет и значительно превышает медианные значения; в период 21–22 года наблюдается «выравнивание», и в 23–24 года – снижение выраженности РДС у студентов.

Возрастная динамика РДС согласуется с данными по динамике жизнестойкости и динамике невротических реакций, что позволяет говорить о повышении адаптивных возможностей студентов с возрастом.

Корреляционный анализ (коэффициент r -Пирсона) показал многочисленные связи между шкалами РДС, жизнестойкости, невротическими состояниями, копинг-стратегиями (табл. 2).

Таблица 2
Корреляции между показателями жизнестойкости, дезадаптивных доменов, копинг-стратегий и невротических состояний

Дезадаптивные домены		Параметры жизнестойкости				Невротические состояния	
		Iv	C	Ra	Hd	Nd	OPs
BTR	S2		-0,519**			-0,515**	-0,702**
	S7	-0,575**	-0,652**	-0,595**	-0,326*	-0,638**	-0,620**
	S10					-0,682**	-0,524**
IA	S4	-0,538**	-0,638**	-0,520**		-0,623**	-0,491**
	S6	-0,470**	-0,606**	-0,527**		-0,571**	-0,605**
	S5				-0,575**		-0,367*
F/O	S3	-0,475**	-0,661**	-0,543**	-0,425**	-0,620**	-0,709**
HI	S8		-0,529**		-0,530**	-0,565**	-0,693**
	S9	-0,369*	-0,649**	-0,376*	-0,348*	-0,602**	-0,454**
	S2	-0,492**	-0,690**	-0,589**	-0,385**	-0,727**	-0,586**
Копинг-стратегии	Sc		-0,435**	-0,353*	-0,375*	-0,624**	-0,518**
	Ar		-0,375*			-0,350*	-0,357*
	F/A		-0,564**	-0,357*	-0,447**	-0,582**	-0,659**
	Pr			0,336*			
Невротические состояния	Nd	0,448**	0,642**	0,567**	0,404**		
	OPs	0,388**	0,600**	0,522**	0,448**		

Примечания: 1. В таблице приняты следующие обозначения: BTR – нарушение связи и отвержение; IA – нарушенная автономия; F/O – направленность на других; HI – сверхбдительность и запреты; S1 – жесткие стандарты; S2 – недоверие; S3 – уязвимость; S4 – подавление эмоций; S5 – покорность; S6 – негативизм/пессимизм; S7 – отчуждение; S8 – неуспешность; S9 – зависимость/беспомощность; S10 – дефективность; Sc – самоконтроль; Ar – принятие ответственности; F/A – бегство/избегание; Pr – положительная переоценка; Nd – невротическая депрессия; OPs – обсессивно-фобический синдром; Iv – вовлеченность; C – контроль; Ra – принятие риска; Hd – жизнестойкость.

2. * Корреляция значима на уровне 0,05; ** корреляция значима на уровне 0,01.

Нами принимались во внимание доминирующие в выборке схемы, стратегии и состояния. РДС, равно как и копинг-стратегии, не имеют устойчивых положительных связей с жизнестойкостью, а имеют сильные отрицательные. При этом невротические состояния, положительно коррелируя с жизнестойкостью и отрицательно с РДС и копингом, – очевидно, оказывают положительное влияние на процесс адаптации.

Кроме того, шкалы РДС и копинг-стратегии имеют многочисленные положительные связи ($p < 0,01$), за исключением стратегии «планирование решения», которая имеет отрицательные связи с некоторыми обнаруженными в выборке схемами ($p < 0,01$; $p < 0,05$). Показанные связи дают основание считать РДА и копинг проявлениями психологической ригидности, снижающими потенциал жизнестойкости индивида. Другими словами, мы можем утверждать, что наличие жестких, ригидных правил и установок, определяющих поведение индивида в стрессовой ситуации, снижает адаптационные возможности.

Процесс адаптации к условиям пандемии в студенческом возрасте можно охарактеризовать как успешный, уровень адаптированности повышается с возрастом. Психологическая гибкость в ранней юности обеспечивается сензитивностью и склонностью к невротическим защитным механизмам, в более старших возрастах – когнитивной и поведенческой гибкостью.

Адаптационные механизмы невротического типа можно рассматривать как транзиторные состояния, свойственные, в большей степени, ранней юности; они приносят психофизиологический дискомфорт, что повышает вероятность обращения за специализированной помощью.

Психологическая ригидность может быть выявлена при помощи опросника РДС и копинг-стратегий – и то, и другое является проявлением жестких убеждений и правил, снижающих диапазон поведенческого реагирования на текущую ситуацию. Исключением (в нашей выборке) является копинг-стратегия «планирование решения», которая, вероятно, позволяет учитывать текущие параметры окружающей среды и собственные ресурсы.

Проявления дезадаптивных схем на субъективном уровне воспринимаются не так остро, как невротические: жесткие установки и убеждения оцениваются как нормативные, критическое отношение к ним может отсутствовать.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что лица, характеризующиеся когнитивной и поведенческой гибкостью, и лица, характеризующиеся когнитивной и поведенческой ригидностью, склонны к проявлению противоположных адаптационных тенденций; адаптационный процесс успешнее протекает у лиц, характеризующихся когнитивной и поведенческой гибкостью, не имеющих выраженных РДС; адаптационный процесс по-разному протекает на разных этапах юности.

РДС – это психологическая ригидность картины мира и самого себя, стагнация адаптивных механизмов, сложность быстрой перестройки в изменяющихся условиях. Это объясняет сложность формирования намерения обратиться за психологической помощью и формулирование запроса.

Литература

- Александрова, Л. А. (2004). *Психологические ресурсы адаптации личности к условиям повышенного риска природных катастроф* (кандидатская диссертация). Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва.
- Александровский, Ю. А. (2012). *Состояния психической адаптации и невротические расстройства*. Москва: ГЭОТАР-Медиа.
- Богданов, Е. Н., Галимзянова, М. В., Касьяник, П. М., Романова, Е. В., Заварзина, А. А. (2019). Социально-психологическая адаптация взрослых в связи с ранними дезадаптивными схемами. *Прикладная юридическая психология*, 1, 31–39.
- Галимзянова, М. В., Касьяник, П. М., Романова, Е. В. (2016). Выраженность ранних дезадаптивных

- схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней зрелости. *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*, 3, 109–125. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.310>
- Горчакова, В. А., Ланда, Л. А., Матыцына, В. А., Краснова, В. В., Клименкова, Е. Н., Холмогорова, А. Б. (2013). Психологическая дезадаптация у студентов системы среднего и высшего профессионального образования: сравнительный анализ. *Психологическая наука и образование*, 4, 5–14.
- Донцов, Д. А., Донцова, М. В. (2013). Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста. *Образовательные технологии*, 2, 34–42.
- Ениколопов, С. Н., Бойко, О. М., Медведева, Т. И., Воронцова, О. Ю., Казьмина, О. Ю. (2020). Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19. *Психолого-педагогические исследования*, 12(2), 108–126. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120207>
- Кадыров, Р. В., Мироненко, Т. А. (2017). К вопросу ранних дезадаптивных схем в суицидальном поведении личности. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3, 125–132. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-125-132>
- Карапетян, Л. В., Глотова, Г. А. (2018). Психологические детерминанты эмоционально-личностного благополучия трудящихся. *Организационная психология*, 8(4), 8–23.
- Краснова-Гольева, В. В., Холмогорова, А. Б. (2011). Социальная тревожность и студенческая дезадаптация. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 3(1). Доступ 27 января 2022, источник https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39944.shtml
- Крюкова, Т. Л., Куфтяк, Е. В. (2007). Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ). *Журнал практического психолога*, 3, 93–112.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Москва: Смысл.
- Макарова, Е. Ю., Цветкова, Н. А. (2020). Психологические особенности реакций на стресс, обусловленный режимом самоизоляции в период пандемии COVID-19. *E-Scio*, 10, 145–157.
- Малых, С. Б., Ситникова, М. А. (2021). Психологические риски пандемии коронавируса COVID-19. В Ю. П. Зинченко (ред.), *Психологическое сопровождение пандемии COVID-19*. Москва: Издательство Московского университета. <https://doi.org/10.11621/rpo.2021.00>
- Петрова, Е. А., Назаренко, В. В. (2021). Выраженность ситуативной и личностной тревожности у студентов вуза с ОВЗ и инвалидностью в период пандемии. *Консультативная психология и психотерапия*, 29(2), 48–61. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290203>
- Тихомирова, М. А., Гришина, Н. В. (2016). Ранние дезадаптивные схемы в контексте психологического благополучия. *Петербургский психологический журнал*, 16, 83–102.
- Филиппова, С. А., Пазухина, С. В., Куликова, Т. И., Степанова, Н. А. (2019). Эмоциональная устойчивость будущих педагогов к негативному влиянию современной информационной среды. *Психологическая наука и образование*, 24(5), 80–90. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240508>
- Холмогорова, А. Б. (2014). Схема-терапия Дж. Янга – один из наиболее эффективных методов помощи пациентам с пограничным расстройством личности. *Консультативная психология и психотерапия*, 2, 78–87.
- Чертовикова, А. С. (2018). Психотравмирующие факторы в условиях изоляции. *Проблемы современного педагогического образования*, 60–1, 485–489.
- Эйдельман, Г. Н. (2016). Особенности жизненной позиции при различных уровнях психологического благополучия у современной молодежи. *Экспериментальная психология*, 9(2), 82–94. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090207>

- Яшин, А. А. (2015). Когнитивная ригидность как фактор недостаточной успешности. *Психология и психотехника*, 11, 1146–1156. <https://doi.org/10.7256/2070-8955.2015.11.16968>
- Almondes, K. Md., Bizarro, L., Miyazaki, M. C. O. S., Soares, M. R. Z., Peuker, A. C., Teodoro, M., ... Sodi, T. (2021). Comparative analysis of psychology responding to COVID-19 pandemic in BRICS nations. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.567585>
- Beiter, R., Nash, R., McCrady, M., Rhoades, D., Linscomb, M., Clarahan, M., & Sammut, S. (2015). The prevalence and correlates of depression, anxiety, and stress in a sample of college students. *Journal of Affective Disorders*, 173, 90–96. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2014.10.054>
- Hendriksen, P. A., Garssen, J., Bijlsma, E. Y., Engels, F., Bruce, G., & Verster, J. C. (2021). COVID-19 lockdown-related changes in mood, health and academic functioning. *European Journal of Investigation in Health. Psychology and Education*, 11(4), 1440–1461. <https://doi.org/10.3390/ejihpe11040103>
- López-Valenciano, A., Suárez-Iglesias, D., Sanchez-Lastra, M. A., & Ayán, C. (2021). Impact of COVID-19 pandemic on university students' physical activity levels: An early systematic review. *Frontiers in Psychology*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.624567>
- Martinez-Libano, J., Yeomans, M.-M., & Oyanedel, J.-C. (2022). Psychometric properties of the Emotional Exhaustion Scale (ECE) in Chilean higher education students. *European Journal of Investigation in Health. Psychology and Education*, 12(1), 50–60. <https://doi.org/10.3390/ejihpe12010005>
- Nash, C. (2021). Limitations on doodling as a measure of burnout. *European Journal of Investigation in Health. Psychology and Education*, 11(4), 1688–1705. <https://doi.org/10.3390/ejihpe11040118>
- Quansah, F., Hagan, J. E., Sambah, F., Frimpong, J. B., Ankomah, F., Srem-Sai, M., ... Schack, T. (2022). Perceived safety of learning environment and associated anxiety factors during COVID-19 in Ghana: Evidence from physical education practical-oriented program. *European Journal of Investigation in Health. Psychology and Education*, 12(1), 28–41. <https://doi.org/10.3390/ejihpe12010003>
- Valenti, G. D., & Faraci, P. (2021). Predicting university adjustment from coping-styles, self-esteem, self-efficacy, and personality: Findings from a survey in a sample of Italian students. *European Journal of Investigation in Health. Psychology and Education*, 11(3), 894–907. <https://doi.org/10.3390/ejihpe11030066>
- Young, J. E., Klosko, J. S., & Weishaar, M. (2003). *Schema therapy: A practitioner's guide*. New York: Guilford Publications.

Дата получения рукописи: 06.02.2022

Дата окончания рецензирования: 14.03.2022

Дата принятия к публикации: 15.03.2022

Заявленный вклад авторов

Татьяна Ивановна Куликова – планирование и руководство исследованием, анализ и интерпретация полученных эмпирических данных, оформление статьи в соответствии с требованиями журнала, редактирование рукописи.

Светлана Анатольевна Филиппова – организация эмпирического исследования, сбор эмпирического материала, работа с источниками, написание обзорной части статьи.

Куликова Т. И., Филиппова С. А.

ИССЛЕДОВАНИЕ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ
Российский психологический журнал, 2022, Т. 19, № 1, 6–18. doi: 10.21702/rpj.2022.1.1

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Информация об авторах

Татьяна Ивановна Куликова – кандидат психологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Российская Федерация; Scopus Author ID: 55570121100, ResearcherID: AAI-5902-2020, SPIN-код: 7146-40606; e-mail: tativkul@gmail.com

Светлана Анатольевна Филиппова – кандидат психологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Российская Федерация; SPIN-код: 9123-7497; e-mail: wega-04@mali.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.